

Анна Родионова
Михаил Ерёмин:

«САМОВИТЫЕ» ТЕРМИНЫ, «ПОЛИМЕРНЫЕ ХИМЕРЫ»

Anna Rodionova

Mikhail Yeryomin: "Self-Sufficient" Terms, "Polymeric Chimeras"

Анна Родионова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»); преподаватель, исследователь)
arodionova@hse.ru.

Anna Rodionova (Lecturer, Researcher, HSE University) arodionova@hse.ru.

Ключевые слова: неподцензурная поэзия, Михаил Ерёмин, техническое воображение, термины, авангард, натурфилософская поэзия

Key words: unofficial Russian poetry, Mikhail Yeryomin, technical imagination, terms, avant-garde, natural philosophical poetry

УДК: 821.161.1+82-1

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_183

UDC: 821.161.1+82-1

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_183

В статье рассматриваются проявления научно-технического и натурфилософского дискурсов в поэзии Михаила Ерёмина. Рассмотрены его способы работы с природными и техническими мотивами, выраженными через использование научной терминологии и неологизмов. Обращаясь к культурному контексту XX века, наследию авангарда, особенностям идиостиля поэта, автор статьи делает ряд выводов о специфичности поэтической практики Ерёмина, в которой прослеживается тенденция к преодолению дихотомического мышления современной рациональности.

The article examines the manifestations of scientific, technical and natural philosophical discourses in the poetry of Mikhail Yeryomin. The author of the article analyzes the role of technical and natural motifs, scientific terminology and neologisms in Yeryomin's poetics. Referring to the cultural context, the heritage of the avant-garde and the peculiarities of the poet's style, the author determines the specificity of the technical imagination in Yeryomin's practice and finds a tendency to overcome the dichotomous thinking of modern rationality.

1

Михаил Ерёмин¹ (1936—2022) всегда был автором крайне последовательным: его восьмистишия, отмеченные особым синтаксисом, легко узнать среди текстов других поэтов. Однако эти стихи-эмблемы при всей своей формальной строгости семантически пластичны. Как изображения, активированные технологиями, оживают, замкнувшись в связанные друг с другом кадры, так и поэзия Ерёмина представляет собой случай вполне буквальной статичной изменчивости.

Два главных риторических двигателя его стихов — совмещение и антитеза [Валиева 2013] — удерживают несколько противоположных и сопоставленных образов, не дают им ни расподобиться, ни слиться. Однако динамика восприятия текста здесь возникает не только из-за этого напряжения. Ерёмин в своих стихах чутко откликался на смещения в окружающей среде (как микро-, так и макро-), хотя, конечно, его метод нельзя назвать хроникерским. Он создал уникальную для русскоязычной поэзии модель проницаемой закрытости, в которой вместо лирического «я» возникает нечто едва уловимое, но мыслящее и чувствующее,

понимающее о мире удивительно много, притом каждый раз открывающее его заново и самоконструирующееся в этом акте.

Основа этой открытости — готовность дать пространство природе, то есть не говорить за нее, не притворяться ею, не сканировать ее всезнанием, а остановиться ровно на той границе, где человеческий словарь уступает чему-то неназываемому. Поэтому в поэзии Ерёмина так интересны и парадоксальны именно *научно-технический* и *натурфилософский* дискурсы, на первый взгляд предполагающие точность и дистанцию, но в этих текстах — далеко не всегда. В этом случае границы между внешним (затекстовой реальностью) и внутренним (законами письма) приобретают особенно интересную подвижность, выраженную в специфическом *техническом воображении* [Родионова 2022; 2023] и авторской философии природы. Именно на этом я бы хотела сосредоточиться в своей заметке.

2

Примерно в 1950—1960-е годы, когда Михаил Ерёмин формирует свой поэтический метод, один значительный этап в мировом развитии техники — индустриальный — постепенно начинает уступать другому — информационному. Развиваются кибернетика и медиатеория. Хотя не все достижения мировой теоретической мысли были широко доступны в СССР, в текстах Ерёмина, разнообразии терминов и отсылок в которых не раз отмечалось критиками и исследователями, научные и технические термины оказываются использованы очень специфично. Ерёмин совмещает два доминирующих культурных представления о технике: конкретное, объектное, с одной стороны, и абстрактное, информационное — с другой.

Техника имела особое значение и для советской реальности, с которой Ерёмин соотносился: несмотря на то что поэт входил в круг неподцензурных поэтов, внешний контекст все-таки не мог не влиять на него. С самого своего основания советский проект особое внимание уделял идее индустриального труда, понимание которого выходило далеко за рамки собственно производства товаров и средств производства, но имело идеологическую и эстетическую подоплеку. Это отражалось в поэзии: стоит вспомнить объединения 1920-х годов, например ЛЕФ, Пролеткульт, ЛЦК (Литературный цех конструктивистов), которые напрямую тематизировали и теоретизировали свою поэзию, обращаясь к заводским, производственным реалиям. Послевоенный период был отмечен «великими стройками», которые вновь сделали культурно актуальными идеи индустриального производства и строительства. Затем, в 1960—1970-е, в СССР происходит постепенное принятие (не без трений), а затем интенсивное развитие кибернетической науки [Пруденко 2018: 14]. Примерно этот же период был отмечен «спором физиков и лириков» — дискуссией о поиске баланса между научно-техническим знанием и гуманитарной сферой, завязавшейся на страницах советских журналов. Таких примеров культурной значимости техники в разных ее изводах во второй половине XX века множество.

Отношение к природе тоже было не вполне однородным. Официальный дискурс репрезентировал природу как ресурс («сокровищница») или же как пустое пространство («бессмысленная тайга»), которое нужно наделить значением, покорив и навязав свои способы его использования [Болотова 2006]. Од-

нако были и флуктуации: от колонизаторского пафоса, сохранявшегося практически с самого рождения нового государства до конца 1950-х, официальный дискурс постепенно¹ перешел к охранительности 1970—1980-х годов, хотя эксплуатация природных ресурсов, по мнению исследователей, в этот период происходила зачастую так же, как прежде, если не больше [Вруно 2016: 12]. Тем не менее существовали сообщества на стыке официального и неофициального, предлагавшие свою оптику. Например, советские геологи, для которых, с одной стороны, исследование природы было участием в ее государственной эксплуатации, с другой стороны, на уровне повседневных практик они воспринимали природу более разнообразно — как научную тайну, среду обитания или место, где возможна свобода от навязываемых государством ограничений.

С официальной стратой СССР вынуждена была пребывать в контакте неофициальная. Иногда эти связи и пересечения были осознанными [Савицкий 2002: 43, 50], иногда довольно призрачными, укладывающимися в концепцию «внеаходимости» [Юрчак 2014]. Существование в одном историческом периоде с разнообразными знаками идеологии научно-технического прогресса (НТП) оставило след в поэтике разных поэтов. Например, в одно время с Ерёминим пишут такие авторы, как Генрих Сапгир и Игорь Холин — представители неподцензурной «лианозовской школы», в чьем творчестве проблематика НТП и его последствий осмысливается намного более натуралистически и экзистенциально, чем это было возможно в рамках советской печати. В стихах же самого Михаила Ерёмина техническое воображение проявлено прежде всего через работу с *терминами*.

3

Термины в поэзии Ерёмина приобретают *перцептивную автономность*, возникает феномен «самовитого» термина. У такого термина актуализируется не только его семантический уровень, но и фонологический, и ритмический, и даже графические параметры — такие как длина и форма слова, положение в тексте и на странице, которые дополняют семантику термина, но не доминируют над ней. Это характеризует Ерёмина одновременно и как наследника авангардной традиции (скорее хлебниковского плана, чем крученыховского), и как отступника от нее.

С одной стороны, Ерёмин, будучи автором «филологической школы» — ленинградского круга неофициальных поэтов, биографически связанных с филологическим факультетом ЛГУ, — знал и ценил творчество футуристов (особенно Хлебникова), о чем сам неоднократно упоминал². Отсюда, вероятно, проистекают некоторые аспекты образной системы, парадоксальное восприятие истории и времени в его текстах. Важны были для него и тексты имажинистов, а также западных модернистов (Ерёмин переводил Паунда). Однако формальная раскованность авангардистских/модернистских текстов у Ерёмина

1 Так, например, в 1960 году усиливается влияние Всероссийского общества охраны природы, до этого всячески критикуемого властью; а в литературе начинают формироваться тенденции, которые затем разовьются до «деревенской прозы».

2 См.: Интервью с Михаилом Ерёминим // Независимая газета. 2023. 25 января (https://www.ng.ru/ng_exlibris/2023-01-25/10_1161_eremin.html (дата обращения: 03.05.2023)).

на мутирует в подчеркнуто однообразную, строгую форму восьмистишия [Завьялов 2021: 12]. Подобный сопротивляющийся диалог с предшественниками был в целом характерен для авторов, обращавшихся к наследию исторического авангарда во второй половине XX века [Павловец 2023: 521—522]. В их текстах из авангардной эссенции исключаются утопический компонент и установка на создание нового, возникает проектное отношение к творчеству, в рамках которого могут сосуществовать достаточно противоречивые тенденции.

В этой связи интересна работа Ерёмкина с неологизмами. Приведу несколько примеров: Термояр³ (авторское сокращение для термоядерного реактора), теоскоп⁴ (контаминация «телескопа» и греческого Θεός (теос) «Бог»), аэроплечо⁵, биохрам⁶ и множество других. С одной стороны, их количество и место в практике поэта, морфологические закономерности их создания — все отсылает к подобным опытам уже упомянутых футуристов. Однако многие из неологизмов Ерёмкина, как видно из примеров, появились на базе терминов, а к ним авторы исторического авангарда относились скорее настороженно [Житенев 2012].

Кроме того, Ерёмкин пишет во второй половине XX века, когда проблема референции уже была поставлена поэтами-предшественниками. Он, как и другие участники «филологической школы», знал это, имея возможность ознакомиться с текстами футуристов и других авторов начала XX века. Исходя из этого, можно предположить, что чисто материальное (звуковое, графическое) измерение слова имеет самостоятельное значение в его поэтике. Сам Ерёмкин в одном из интервью упоминал, насколько значим для него невербальный уровень: ритм и визуальный образ стиха, его пространственное расположение на странице⁷.

Учитывая вышесказанное, а также склонность поэта к алеаторическому фонетическому сближению [Валиева 2013], можно сказать, что функция терминов (в том числе научно-технических) здесь не только интердискурсивная (призванная дать ссылку на некий внешний поэтическому дискурсу) [Чернявская 2009] или номинативная: принцип «двойной семантизации» [Житенев 2012] указывает на невозможность ограничить термин таким употреблением.

Иначе говоря, научные и технические термины здесь даны в некой *двойственности*, несмотря на то что они вполне переводимы на обыденный язык и зачастую имеют конкретное значение. Термин Ерёмкина функциональный, но не исчерпывающий.

С одной стороны, здесь просматривается реакция (не обязательно осознанная) на специфику позднесоветского официального дискурса, для которого была характерна высокая насыщенность речи терминами, чьи значения выхолащивались и/или переписывались [Gerovitch 2002: 279—297]. С другой стороны, необходимость обязательной референциальной конкретности, закреп-

3 Ерёмкин М. Стихотворения. Кн. 2. СПб.: Пушкинский фонд, 2002. С. 12.

4 Ерёмкин М. Стихотворения. Кн. 3. СПб.: Пушкинский фонд, 2005. С. 9.

5 Ерёмкин М. Стихотворения. 1957—1998. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. С. 11.

6 Ерёмкин М. Стихотворения. Кн. 2. С. 6.

7 Ср.: «Иногда в юности (сейчас этого нет) мне виделось стихотворение: здесь длинная строка, здесь короткая. Некоторые стихи я даже видел еще без текста. Сейчас уже этого не вижу, меня больше интересует чистый ритм. Вообще, все мои стихи делаются на ритме» (Интервью с Михаилом Ерёмкиным // Независимая газета. 2023. 25 января).

ляемая за термином как за репрезентантом научной рациональности в Новое время, на заре информационной эпохи оказывается ослаблена. Это связано с тем, что сами знаковые отношения постепенно начинают меняться, а соотношения между разными дискурсами приобретают более подвижный, игровой характер. Происходящие изменения позволяют видеть термин не только как часть определенной области знания, но и как «слово как таковое», однако уже не в футуристическом его понимании.

4

Такой двойственный термин, чья перцептивная роль в тексте так же важна, как и семантическая, особенным образом оформляет технические и природные мотивы. Научное знание в текстах Ерёмина не рассматривается как средство подчинения природы или подавления иррационального начала в мире и человеке. Оно не способно проникнуть во всё, изучить его, назвать и тем самым ограничить. Напротив, научная картина мира здесь непротиворечиво уживается с религиозной мистикой и осколками мифа.

Столкновение упорядоченного, рационального и иррационального, хаотичного в поэзии Ерёмина открывает еще одну сторону его технического воображения и мышления о природе. Многие его тексты представляют своего рода медитации о связи культуры и природы, однако их атрибуты распределены подчас парадоксально. В тексте «Есть чудом выжившие при аэрокрушениях...»⁸ понятие чуда (в том числе и технического — ср. «чудеса прогресса») и производные от него сближают естественное с искусственным, духовное с материальным: «Всё есть чудо бытия». Аналогично и в более раннем тексте⁹ «скелеты ЛЭП», как и положено существам, находящимся на границе инобытия, дополняют картину разворачивающейся в тексте мистерии, буквально *проводя* канал связи между землей и небом.

В другом знаковом стихотворении и техника, и природа оказываются бесильны перед катаклизмом человеческой жестокости (речь идет о периоде репрессий): «Не трубный глас, а хрипловатое вещание / Домашних репродукторов. Землетрясений ни на балл / Сейсмографы не зафиксировали»¹⁰. Соответственно, опасным становится не внешнее пространство «угрозных улиц», а внутреннее пространство «беззащитных жилищ»: хаотичное и упорядоченное меняются местами.

В более поздних текстах это смешение становится отдельной самостоятельной темой. В тексте «Что делать с воробьиной стаей в кронах...»¹¹ воздвигается природа (кронирование деревьев или кустарников), на первый взгляд, оказывается в конфликте с неподконтрольной природой (стаей птиц). Однако и то и другое существует по некому *естественному* правилу, и поэтому птицы, появившиеся в фигурной кроне растений, становятся своего рода комплиментом «садовнику» от креативной силы природы.

8 Ерёмин М. Стихотворения / Предисл. С. Завьялова; послесл. Ю. Валиевой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 327.

9 Там же. С. 47.

10 Там же. С. 333.

11 Там же. С. 239.

В тексте «Едва ли некий сад надолго без присмотра сохранит...»¹² «оди-чание» сада оказывается таким же полноправным развитием событий, как и его «возрождение». Человеческое желание восстановить сад, вернуть ему форму так же естественно, как и разрастание деревьев: идея, созвучная концепции Анри Бергсона об общем для всех существ импульсе, «бросившем жизнь в мир», но развившемся по-разному [Бергсон 2022].

5

Наряду с чередой текстов, содержащих отмеченные выше мотивы слияния научно-технического знания, культуры и природы, у Ерёмкина есть и прямая критика прогресса, особенно в текстах 1980—2000-х годов: например, «Околдовал бы лес, когда бы не шоссе...», «Посторониться, дав тропе...», «Как было разгадать неграмотному внуку Геи...» и др. Их риторическая тональность отдаленно могла бы напомнить о консервативных, скептически настроенных по отношению к прогрессу советских авторов 1970—1980-х годов. Действительно, пафос технического развития к тому времени теряет свое обаяние, и это ощущается даже у такого якобы отвлеченного от окружающих реалий поэта, как Ерёмкин.

Тем не менее природные образы у него никогда не застывают в каком-то одном качестве. В этом его ключевое отличие от советской официальной и компромиссной поэзии, в которой критика прогресса, как правило, требовала смены полюсов оценки, инверсии, при этом дихотомичность взгляда на технику и природу сохранялась. У Ерёмкина же природа до конца не может быть противопоставлена ни технике, ни искусству: рукотворное и нерукотворное переплетаются, ведь у всего есть некое общее основание, что «закодировано во всякой тварной матрице» и даже «неграмотный внук Геи», перепутавший натуральное и щедрое с искусственным и эксплуатируемым, все-таки остается потомком Земли и определен через нее. В этом смысле Ерёмкин, сохраняя отдельные особенности, позволяющие сблизить его поэзию с некоторыми советскими авторами в плане критики прогресса, все-таки предлагает более гибридную и инновативную схему.

Подход Ерёмкина отчасти расшатывает привычные дихотомии Нового времени (природа — культура, дикость — цивилизация и т.п.). Это процесс крайне важный для второй половины XX века, чьи последствия можно наблюдать и в новейшей поэзии. В этом смысле тексты Ерёмкина представляют собой явление пограничное: с одной стороны, к ним может быть применен термин, используемый в англоязычном литературоведении, — *nature poetry* («поэзия о природе»). С другой стороны, его использование проблематично, поскольку предполагает довольно прямую тематизацию: тексты же Ерёмкина как раз не исчерпываются темой, более того, «природное» часто представлено вовсе не *тематически*: так, растительные образы могут быть соединены с техническими, а описывать при этом что-то совсем другое. Да и сама природа оказывается больше себя или, точнее, оказывается всем: «И антикупол с небом жидким, / И антикубок муравейника / С его поверхностью бегучей, / Корпус-

12 Там же. С. 343.

кулярно-волновой»¹³, «Деревья — / Еще не алфавит, уже не древние аллеи текста»¹⁴ и др.

Архаический синкретизм у Ерёмина то и дело поблескивает гибриднойстью «полимерных химер»¹⁵ и «мультимедийного смога»¹⁶. Эта *nature poetry* отсвечивает *денатурацией*, то есть постановкой условий формирования нашего опыта под вопрос [Hayles 1990: 275—276], а научно-техническое знание дает набор понятийных инструментов, позволяющих в меру человеческих возможностей прикоснуться к заведомо инаковой природе — своей и мира. В этом случае они не могут быть по-настоящему противопоставлены.

Возможен ли здесь и метапоэтический взгляд на проблему связи научно-технического и природного в текстах Ерёмина? Думаю, да. Эти интровертные, риторически свернутые в себя стихи [Кукулин 2013] на первый взгляд воплощают собой выверенную и автономную рациональную форму, однако именно она должна включить в себя непосредственные впечатления, полученные в среде, то есть тоже соединить спонтанный творческий импульс со строгостью ограничений. В таком аскетизме виден не только проект поэта-новатора, но и своего рода вневременная ответственность — дать место всему (природе, науке, вере, культуре), внятно определив границу своего. Задача вполне экологическая: ведь именно с понимания своего места в среде начинается ответственность перед ней.

Библиография / References

- [Бергсон 2022] — Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой. М.: Академический проект, 2022.
(Bergson A. L'Évolution créatrice. Moscow, 2022. — In Russ.)
- [Болотова 2006] — Болотова А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (<https://magazines.gorky.media/nz/2006/2/gosudarstvo-geologi-i-kolonizacziya-prirody-v-sssr.html> (дата обращения: 22.12.2023)).
- (Bolotova A. Gosudarstvo, geologi i kolonizatsiya prirody v SSSR // Neprikosnovenny zasap. 2006. No. 2 (<https://magazines.gorky.media/nz/2006/2/gosudarstvo-geologi-i-kolonizacziya-prirody-v-sssr.html> (accessed: 22.12.2023)).)
- [Валиева 2013] — Валиева Ю. «Что видится прекрасным? Звездный свод?..» // Новое литературное обозрение. 2013. № 124 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2013/6/chto-viditsya-prekrasnym-zvyozdnyj-svod.html> (дата обращения: 12.12.2023)).
- (Valieva Yu. "Chto viditsya prekrasnym? Zvezdny svod?.." // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. No. 124 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2013/6/chto-viditsya-prekrasnym-zvyozdnyj-svod.html> (accessed: 12.12.2023)).)
- [Житенев 2012] — Житенев А. Михаил Ерёмин: Поэтика словаря // Новое литературное обозрение. 2012. № 113 (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18515/ (дата обращения: 13.12.2023)).
- (Zhitenev A. Mikhail Yeryomin: Poetika slovarya // Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. No. 113 (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18515/ (accessed: 13.12.2023)).)

13 Там же. С. 29.

14 Там же. С. 41.

15 Там же. С. 158.

16 Там же. С. 181.

- [Завьялов 2021] — *Завьялов С.* Отражение в зеркальных водоемах мерцающих над нами звезд // Ерёмин М. Стихотворения / Предисл. С. Завьялова; послесл. Ю. Валиевой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5—15.
- (*Zavyalov S.* Otrazhenie v zerkal'nykh vodoemakh mertsayushchikh nad nami zvezd // Yeryomin M. Stikhotvoreniya / Introd. by S. Zavyalov; afterw. by Yu. Valieva. Moscow, 2021. P. 5—15.)
- [Кукулин 2013] — *Кукулин И.* Подрывной эпос: Эзра Паунд и Михаил Еремин // Иностранная литература. 2013. № 12 (<https://magazines.gorky.media/inostran/2013/12/podryvnoj-epos-ezra-paund-i-mihail-eremin.html> (дата обращения: 22.12.2023)).
- (*Kukul'in I.* Podryvnoy epos: Ezra Paund i Mikhail Yeryomin // Inostrannaya literatura. 2013. No. 12 (<https://magazines.gorky.media/inostran/2013/12/podryvnoj-epos-ezra-paund-i-mihail-eremin.html> (accessed: 22.12.2023)).)
- [Павловец 2023] — *Павловец М.* Неоавангард в русскоязычной поэзии 2-й половины XX — начала XXI века: Дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2023.
- (*Pavlovet's M.* Neoavangard v russkoyazychnoy poezii 2-y poloviny XX — nachala XXI veka: PhD thesis. M., 2023.)
- [Пруденко 2018] — *Пруденко Я.* Кибернетика в гуманитарных науках и искусстве в СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2018.
- (*Prudenko Ya.* Kibernetika v humanitarnykh nauках i iskusstve v SSSR. Analiz bol'shikh baz dannykh i komp'yuternoe tvorchestvo. Moscow, 2018.)
- [Родионова 2022] — *Родионова А.* Соединение установлено. Хитросплетения поэзии, власти, перцепции и технологии // Новое литературное обозрение. 2023. № 182. С. 216—229.
- (*Rodionova A.* Soedinenie ustanovleno. Khitrospleteniya poezii, vlasti, pertseptsii i tekhnologii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. No. 182. P. 216—229.)
- [Родионова 2023] — *Родионова А.* «Фотолуг, фотолес, фотолего». Техно-экологические миниатюры Михаила Ерёмина // Сборник матице српске за славистику. 2023. № 104. С. 339—351.
- (*Rodionova A.* "Fotolug, fotoles, fotoleto". Tekhnoekologicheskie miniatyury Mikhaila Yeryomina // Zbornik matice srpske za slavistiku. 2023. No. 104. P. 339—351.)
- [Савицкий 2002] — *Савицкий С.* Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- (*Savitski S.* Andegraund. Istoriya i mify leningrad'skoy neofitsial'noy literatury. Moscow, 2002.)
- [Чернявская 2009] — *Чернявская В.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- (*Chernyavskaya V.* Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. Uchebnoe posobie. Moscow, 2009.)
- [Юрчак 2014] — *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось / Предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- (*Yurchak A.* Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation. Princeton: Princeton University Press, 2005. — In Russ.)
- [Bruno 2016] — *Bruno A.* The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History. Northern Illinois University; Cambridge University Press, 2016.
- [Герович 2002] — *Герович С.* From newspeak to cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. MIT Press, 2002.
- [Hayles 1990] — *Hayles K.* Chaos Bound: Orderly Disorder in Contemporary Literature and Science. Cornell University Press, 1990.